

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЗИНЧЕНКО

МАЭСТРО ПСИХОЛОГИИ
(1931—2014)

Владимир Петрович Зинченко родился 10 августа 1931 г. в г. Харькове (Украина). Отец, Пётр Иванович Зинченко, — известный психолог, стоявший у истоков «харьковской школы» советских психологов. Мать, Вера Давыдовна Войтинская, преподавала психологию в харьковской консерватории. Напомню основные хронологические даты жизни Владимира Петровича.

1948. Окончил 131-ю среднюю школу г. Харькова.

1948—1953. Получает высшее образование, закончив психологическое отделение философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Последние два года совмещает учёбу с работой учителя психологии и логики (в те годы был такой школьный предмет) в 593-й и 598-й средних школах г. Москвы.

1953—1956. Обучение в аспирантуре НИИ психологии АПН РСФСР.

1957. Защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков» (научный руководитель — профессор А.В. Запорожец).

1957—1961. Работает в лаборатории детской психологии (НИИ психологии АПН РСФСР) в должности младшего, а затем — старшего научного сотрудника.

1961—1969. Руководит первой в стране лабораторией инженерной психологии при отделе математики предприятия п/я 701 (НИИ автоматической аппаратуры).

1966. Защитил докторскую диссертацию на тему «Восприятие как действие».

1969. Удостоен звания профессора МГУ.

1969—1984. Руководит отделом эргономики ВНИИ Технической эстетики.

1970—1982. Заведующий организованной им кафедры психологии труда и инженерной психологии на Факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

1974. Избран членом-корреспондентом АПН РСФСР.

1984—2007. Заведующий кафедрой инженерной психологии в МИРЭА (теперь Московский государственный институт радиотехники, электроники и автоматики (технический университет))

1988. Избран почётным членом Американской академии искусств и наук.

1988—1991. Зам. директора Института философии РАН, Руководитель центра наук о человеке, руководитель-организатор Института человека РАН.

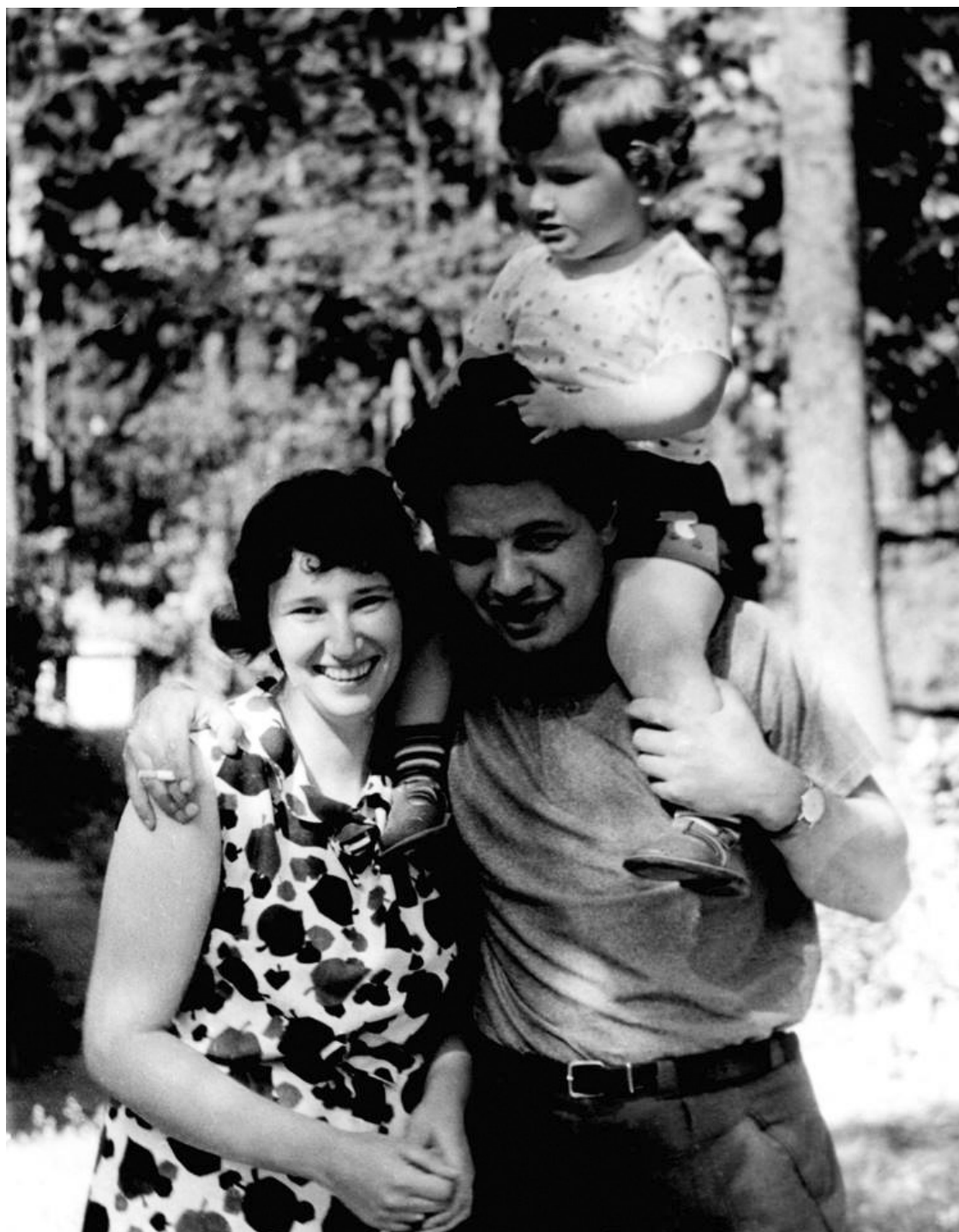
1991—1998. Действительный член АПН, член президиума РАО, академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии.

1998—2007. Заведующий созданной им кафедры общей психологии в Государственном университете «Дубна»

2001—2007. Академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО.

2007—2014. Ординарный профессор факультета психологии Высшей школы экономики (ВШЭ).

Из личного архива В.П. Зинченко

2012. Удостоен почётной грамоты Президента Российской Федерации.

2014, 6 февраля. Последний день в жизни В.П.

* * *

О В.П. написано немало, особенно после его ухода¹. Не буду повторяться. Остановлюсь на некоторых фрагментах его творчества, главными темами которого были (почти в хронологическом порядке начала их разработки):

- Восприятие: теория и эксперимент.
- Инженерная психология.

- Операциональный состав кратковременной памяти.

- Макро- и микроструктура сенсомоторного действия.

- Аффект и интеллект.

- Сознание, интуиция и творчество.

Это — лишь заголовки тем, большая часть которых традиционна. Нетрадиционными являются характер анализа и раскрытия содержания этих тем в работах В.П.

* * *

Отечественная психология 50-х годов 20-го столетия развивалась по пути, который был

¹ Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания / Под ред. Т.Г. Щедриной. — М.: РОССПЭН, 2011; ж. Культурно-историческая психология, 2014, Т. 10, № 2; 2015, Т. 11, № 1.

Дома в кабинете

результатом действия на неё трёх "силовых" векторов: 1) философии диалектического материализма, 2) учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности, 3) учения Л.С. Выготского о формировании высших психических функций. Иногда взаимодействие этих трёх разнородных составляющих приводило к появлению низкопробных эклектических продуктов, которые пополняли арсенал вульгарного материализма. Но в умах наших видных психологов оно скорее протекало, как в плавильном тигле², в виде творческого синтеза,

благодаря которому психология в целом поднималась на более высокую ступень своего развития. Одним из конкретных примеров такого синтеза было понятие ориентировочно-исследовательской деятельности, прототипом которого послужило павловское понятие ориентировочного рефлекса³. В работах А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, П.И. Зинченко, А.В. Запорожца была показана специфика ориентировочной деятельности человека и её роль в формировании различных психических процессов на разных возрастных этапах. Оригинальную концеп-

² Метафора плавильного тигля упоминается в более поздней работе В.П., посвящённой психологии творчества.

³ Этимологическая связь между этими двумя разными, по существу, понятиями позволяла поддерживать у партийных чиновников иллюзию полной преемственности между понятийными аппаратами психологии и физиологии, как это диктовалось нормами вульгарного материализма.

цию типов ориентировки в формировании умственных действий создал П.Я. Гальперин.

Не удивительно поэтому, что первое научное исследование В.П. было посвящено выяснению особенностей ориентировочных движений руки и глаз в формировании двигательных навыков⁴. Будучи ещё молодым учёным, В.П. проявил себя здесь как неординарный экспериментатор, применив для регистрации траектории движений руки методику циклографии⁵, а для регистрации движений глаз — методику киносъёмки⁶, которая ранее нашими психологами не применялась. В этой работе была обнаружена *модальная специфичность* ориентировочных движений руки и глаз при поиске пути выхода из лабиринта: движения руки были жёстко привязаны к траектории ходов лабиринта, тогда как движения глаз были более свободными, охватывая большую площадь лабиринта. Это значит, что сенсомоторные единицы, из которых в ходе формирования навыка складывался целостный образ решения задачи, были разными не только по своему афферентно-эфферентному составу, но и по тому, какая по объёму часть будущего правильного действия найдёт в них своё отражение. Из более крупных единиц (зрительный поиск) быстрее синтезировать целое, чем из мелких (ручной поиск). Поэтому время зрительного поиска выхода из лабиринта оказалось существенно меньше времени ручного поиска. Кстати, такое укрупнение единиц (за счёт оттормаживания неэффективных, ошибочных операций и своего рода "агглютинации" успешных) возможно и в пределах только ручного поиска, что подтверждается наблюдавшимися изменениями в характере их пространственно-временной динамики и сокращением времени решения задачи в конце тренировки. Сейчас, на основании непре-

рывно пополняющегося объёма эмпирического материала, можно сказать, что сокращение ориентировочного состава и укрупнение смысловых единиц в ходе формирования навыков — сенсомоторных, перцептивных, умственных, мнемических — является всеобщим психологическим законом.

Уже в самом начале творческого пути В.П. проявилась характерная для него установка на синтетический (а впоследствии и глобальный) подход к исследованию психических явлений, что, впрочем, не исключало его интереса к их анализу (а затем и микроанализу). Восходящая к И.М. Сеченову идея общности функциональных свойств осязательного и зрительного восприятия была развита в ряде работ В.П. В одной из них, пожалуй, впервые чётко обозначены функции, которые являются общими для осязательной и зрительной модальностей восприятия — это функции *построения* (образа предмета), *измерения* (пространственных свойств предмета), *контроля и коррекции* (результатов поисковых операций).

Оригинальная концепция восприятия, предложенная В.П. в 1964 г.⁷ формировалась не только на базе его экспериментальных исследований в русле академической тематики. Большую роль здесь сыграло событие, когда в 1961 г. на московском предприятии оборонного значения (п/я 701, позднее реорганизованный в НИИАА) была создана первая в СССР лаборатория инженерной психологии, которую возглавил В.П. Конечно, для многих из нас между проблемами генезиса восприятия и инженерной психологией — дистанция огромного размера, если не глубочайшая пропасть. Но чудо заключалось в том, что в нашей стране за решение инженерно-психологических, а затем и эргономических задач взялись профессиональ-

⁴ Зинченко В.П. Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков // Вопросы психологии, 1956, № 6.

⁵ Ранее методика циклографии применялась Н.А. Бернштейном для измерения параметров движений, выполняемых спортсменами.

⁶ Впервые кинорегистрацию движений глаз осуществили К. Judd, Mc цAllister, W. Steele в 1905 г.

⁷ Зинченко В.П. Теоретические проблемы психологии восприятия / Инженерная психология. — М.: МГУ, 1964.

ные гуманитарии-психологи. Для В.П. взрослый человек-оператор автоматизированной системы управления мало чем отличался от ребёнка: тот и другой многому должны научиться в новой для себя окружающей среде. Нужно было прежде всего выяснить, в чём состоит психологическая, а не только материальная новизна этой среды и в чём состоит содержание тех переходных процессов, которые протекают на разных стадиях развития восприятия, начиная от его натуральных форм и кончая приобретения им свойств высшей психической функции. Это и было сделано в упомянутой работе "Теоретические проблемы...". Помимо затронутых здесь чисто профессиональных проблем, В.П. высказывает ряд критических соображений по поводу распространённых в то время моделей восприятия, разрабатываемых в рамках теоретико-информационного подхода к анализу или даже решению ряда психологических проблем.

Если в отдельных работах 1956—1966 годов отражён начальный период творчества В.П., то в книге *Восприятие и действие* (1967 г.) подведён его итог, обобщающий опыт проведенных за это время теоретических и экспериментальных исследований в рамках генетического метода.

Начиная приблизительно с 1965 г., возникает другой вектор творчества В.П., ставший возможным благодаря встрече В.П. с талантливым инженером-изобретателем Н.Ю. Вергилесом. Новшества, введенные им в технику регистрации движений глаз, позволяли В.П. в более строгом формате проверить применимость разделяемой им праксеологической теории зрительного восприятия не только в плане генезиса последнего, но и в плане функционирования его в развитом виде. Результаты совместной работы В.П. и Вергилеса отражены в книге *Формирование зрительного образа*. Выделю наиболее важные её положения.

1. В условиях стабилизации многие зрительные задачи не могут быть решены без участия движений глаз, несмотря на то, что в

этих условиях движения глаз не способны выполнять свои обычные функции — наведение взгляда на тот или иной участок поля зрения и удерживание устойчивой зрительной фиксации на нём.

2. Необходимость движений глаз в условиях стабилизации свидетельствует о существовании их неспецифической функции, предназначенной для модуляции чувствительности каналов зрительной системы.

3. Движения глаз, наблюдавшиеся в условиях стабилизации, отличаются от обычных скакадических движений своей меньшей амплитудой и, соответственно, меньшей скоростью. Поэтому связанные с ними перцептивные действия были названы *викарными*. Несмотря на указанные различия, испытуемые не замечали особой разницы между ощущениями от движений глаз в двух различных условиях восприятия, отмечая, что их глаза (или внимание) в обоих случаях движутся по объекту. Однако для исследователя различие всё же существует: в одном случае мы имеем дело с направлением *анатомической* фовеа на объект, в другом — *функциональной* фовеа, которая подчиняется идеальному образу.

4. При решении испытуемым мыслительных задач викарные перцептивные действия в виде дрейфов и малоамплитудных скачков глаз являются средством визуализации проблемной ситуации и её переструктурирования во внутреннем, идеальном плане.

5. В зависимости от конкретных запросов выполняемого действия или решения проблемной ситуации можно вычерпывать необходимую информацию, производя с идеальным образом манипуляции, аналогичные манипуляциям с физическими объектами. *Манипулятивная способность* зрительной системы позволяет преодолеть избыточное число степеней свободы образа восприятия, компенсировать неизбежные искажения в нём, обусловленные морфологическими свойствами воспринимающего органа.

Могут возникнуть сомнения относительно применимости данных, полученных в услови-

ях стабилизации, к восприятию в обычных условиях. Но всё дело в том, что в феноменальном поле обычного восприятия исчезают те его свойства, которые вначале развёрнуты во времени и пространстве и даже доступны самонаблюдению, а потом, в процессе автоматизации перцептивного навыка превращаются в одномоментную операцию, процессуальная часть которой остаётся за пределами сознания, и осознаётся только её конечный результат. Отсюда — часто возникающая иллюзия неправдоподобия результатов научного анализа, в котором содержится не только то, что доступно непосредственному восприятию, но и то, что открывается только при рассмотрении всей его прошедшей истории⁸. Так или иначе, несомненной остаётся важность предложенных авторами новых понятий для полного понимания психологической природы развитого восприятия как составной части взаимодействия индивида с его окружением и со своим собственным опытом. Об этом говорят все последующие работы В.П. по восприятию. Пожалуй, ни один из психологов не рассматривал восприятие в таком глобальном культурно-историческом контексте, как это было сделано В.П. Всё, что было сказано по поводу результатов опытов со стабилизацией, нашло своё отражение в анализе перцептивных действий художника, восприятия художественных и литературных произведений. При этом восприятие предстало перед нами не голышом, как это характерно для подавляющего большинства его исследователей, а в завораживающем облачении вечно прекрасных творений человеческой культуры. В.П. — первый, кто наметил путь восхождения от сенсорных оснований до духовных вершин восприятия. Конечно, этот путь — лишь пунктир, а не непрерывный контур, создавать который предстоит будущим психологам...

Восприятие изучалось В.П. не само по себе, а в составе предметного действия, которое вначале рассматривалось им в традиционном для отечественной психологии плане. Начиная с *Функциональной структуры действия*⁹ и во многих последующих своих работах, В.П. развивает эту традицию, критически анализируя её и предлагая иной путь решения обнаруженных в этом анализе проблем. Одна из них, — пожалуй, ключевая, — была обозначена им как взаимопревращения внешней и внутренней форм действия. Если традиционно эта проблема рассматривалась преимущественно (я бы сказал — исключительно) со стороны превращения (интериоризации) внешнего действия во внутреннее, то есть на этапах формирования действия, то В.П. на основе данных о свойствах действия, уже сформированного на уровне высших психических функций, пришёл к выводу, что и на этом уровне внешняя и внутренняя формы продолжают свой бесконечный «разговор». Бесконечный, потому что действие функционирует в разных, неисчерпаемых в своём разнообразии, ситуациях, требующих его модификации для сохранения своей адекватности. Послушаем самого В.П.:

В традиционном понимании интериоризации и экстерииоризации *«Первый процесс — это "вращивание" внешней предметной деятельности в деятельность внутреннюю; второй — выход внутренней деятельности наружу, вовне. От длительного употребления терминов интериоризация и экстерииоризация, стоящая за ними реальность перестала восприниматься как драма и загадка развития. Эти понятия стали схематизмом психологического сознания, а стоящие за ними процессы как бы уподобились "водопроводной логике", как в задачках 5-го класса о "бассейнах и портвейнах". Столько-то куда-*

⁸ Обоснование необходимости такого исторического анализа природы психических функций дано в работах Л.С. Выготского.

⁹ Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия — М.: МГУ, 1982.

то вытекает и столько-то оттуда вытекает...»¹⁰.

«Если с самого начала признать, что предметная деятельность в такой же степени материальная, как и идеальная; если признать, что живое движение живо не только (и не столько) своими внешними формами, но и формами внутренними..., то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним»¹¹.

Далее В.П. отмечает, что та же судьба предписана и понятию экстериоризации, традиционно понимаемому как переход от внутреннего (идеального) плана действия к внешнему (материальному). Но так же как во внешнем действии, в отличие от рефлекса, всегда присутствует внутренний план (например, в виде субъективного образа этого действия), во внутренней репрезентации действия в снятом виде (например, в виде неосознаваемых операций фоновых уровней регулирования) даны все необходимые и достаточные компоненты его внешней реализации. В экспериментальных исследованиях микроструктуры и микродинамики двигательных действий, выполненных при участии и под руководством В.П., убедительно показано, как происходит взаимодействие изначально существующих внешних и внутренних форм, содержание которых модифицируется в зависимости как от ситуации, в которой исполняется действие, так и от его текущих, как правило, непредусмотримых заранее параметров.

В качестве альтернативы теории интериоризации В.П. предлагал идею дифференциации и, раскрывая её следующим образом:

«Целое действие не складывается, не составляется из готовых частей. Их просто еще нет. Наоборот, оно органически развивается, дифференцируется на части, которые впослед-

ствии отрываются от целого, автономизируются. (О. Мандельштам сказал бы вытархивуют из целого.)»¹².

На мой взгляд, здесь указана лишь одна сторона действия, когда оно осваивается индивидом, формируется. В этом случае оно действительно представлено ему как внешний образец, но в разобранном, дифференцированном виде (например, как ориентировочная основа, по П.Я. Гальперину, состоящая из перечня всех существенных признаков понятия и строгой последовательности операций, которые должны быть выполнены в отношении этих признаков) — целое дано как эмпирическая совокупность его частей, каждая из которых должна стать предметом отдельного, ранее освоенного индивидом действия. В процессе выполнения этих парциальных действий происходит их интеграция в новый (для индивида) образ, в котором на уровне сознания сохраняется представление о конечном продукте всей последовательности действий, а сама последовательность передаётся в ведение фоновых, неосознаваемых уровней. Теперь интегральный (симультанный) образ вновь может быть дифференцирован в сукцессивный ряд парциальных операций (по А.Н. Леонтьеву — бывших действий, потому что они перестали осознаваться). Интеграция, за которую отвечает внутренний план действия, и дифференциация последнего в процессе его экстериоризации во внешнем плане — это две стороны, две формы активности, от которых зависят адекватность и ситуативная адаптивность действия.

Как возникают или как формируются внешние и внутренние формы психики? Отвечая на этот вопрос в своей книге «Психологические основы педагогики», В.П. отмечает, что традиционная постановка вопроса — о том, как фор-

¹⁰ Там же. С. 139. Обратите внимание на характерный для В.П. стиль разговора о «высоких материях», когда самое абстрактное и сложное находит своё выражение в конкретном и простом, становясь тем самым более понятным. Его тексты и особенно лекции (я уже не говорю о доверительных беседах) всегда насыщены такими скачкообразными переходами от поэзии и замысловатости к анекдотической прозе.

¹¹ Там же. С. 140.

¹² Там же.

мируются и развиваются отдельные психические функции или их составляющие — оказывается уже недостаточной, а иногда и несостоятельной. Живое действие по своей природе интегрально. Включаясь во взаимодействие с социальным и природным окружением, оно дифференцируется на свои функциональные компоненты, каждый из которых может приобретать различный «удельный вес» в структуре и динамике целостного действия. В свою очередь, на основе возникших дифференциаций, позволяющих той или иной функции развиваться в большей степени, чем когда она находилась в составе целого комплекса, появляется возможность модификации или создания новых интегральных структур (образов, действий, операций). Это и есть бесконечный процесс развития не только индивидуальной, но и общечеловеческой психики.

Обе формы психики обладают противоречивыми свойствами. **Внешняя форма** характеризуется своей стабильностью, стереотипностью, однозначной заданностью; она всегда должна соответствовать некоторому объективному эталону, общественно выработанному образцу; даже если она создается впервые (новый способ действия с изобретенным орудием), она потом должна воспроизводиться так, а не иначе. Другое дело — **внутренняя форма**: изначально она очень капризна, неустойчива, неоднозначна, импульсивна, алогична; она отчасти сохраняет эти свои свойства даже когда уподобляется внешней форме (см. прекрасное описание свободной динамики образов-представлений в работах П.П. Блонского); первые моменты ее «обуздания» всегда сопровождаются переживанием волевого усилия. Отсюда и вытекает главный парадокс: с одной стороны — внешне точное, стереотипное, целенаправленное и легко управляемое действие (так оно выглядит для стороннего наблюдателя), а с другой стороны — избыточное число степеней свободы внутренней динамики, напряженная работа по удержанию ее в заданном русле. Привлекая релевантный материал многих других авторов,

В.П. обосновывает необходимость и разумную целесообразность существования такого парадокса, рассматривает его проявления в разных видах человеческой деятельности и на разных стадиях онтогенеза психики.

Остановлюсь на одном моменте, имеющем отношение к теории и практике обучения. Проблема соотношения внутренней и внешней форм родственна (но ни в коем случае не тождественна!) проблеме соотношения идеального и материального в контексте двух более ранних теорий — теории развивающего обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова и теории формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Во всех трех концепциях одним из ключевых слов (внешняя форма) является «образ». Но смысл его (внутренняя форма) оказывается разным. У Гальперина — самое широкое и потому еще абстрактное понимание образа. У Давыдова понятие образа сужено до чувственного представления (кстати, это наиболее распространенное понимание образа лежит в основе многих малопродуктивных дискуссий об образной и словесной формах репрезентации знаний). В.П. предельно расширяет, но вместе с тем и конкретизирует функции образа, понимая его как исходный и конечный (то есть находящийся в динамике построения) пункт движения от внешней формы действия к внутренней, равно как и наоборот — от внутренней формы к внешней. При этом, в образе не только сохраняются все существенные моменты взаимодействия двух форм, но и аккумулируется энергия живого действия, превращаясь из кинетической в потенциальную. Более того, на примере динамики живого движения (исследования Н.Д. Гордеевой) показано, что не только образ является регулятором действия, но и действие в ходе его исполнения регулирует образ. Действие без образа становится слепым и неразумным, а образ без действия быстро исчезает и, наверное, поэтому он обладает многими неприятными для исследователя свойствами.

С идеей взаимодействия внешней и внутренней форм как неотъемлемых атрибутов

материальных и идеальных действий связано ещё одно положение, которое можно считать важным и перспективным шагом в направлении развития культурно-исторической теории психики. Я имею в виду преобразование структуры высших психических функций, которое они претерпевают уже после их формирования в процессе их многократных реализаций:

«Для того чтобы опосредствованное действие стало активным посредником в отношениях человека с миром, оно само должно стать как бы непосредственным, естественным и свободным, как полет Терпсихоры. Говоря философским языком, оно должно сохранять свою опосредованность в снятой или латентной форме.»¹³

Диалектичность взаимоотношений непосредственного и опосредствованного, о которой говорил ещё философ Гегель, обсуждалась В.П. не только применительно к действию, но и в более широком контексте. В одной из последних своих книг он писал:

«Субъект подавляет свою непосредственность, а личность открывает её в себе и открывается ей в своих поступках... Итак, субъект — опосредован, он опутан инструкциями и нормами. Личность — непосредственна, ей свойственна «участность в бытии», «поступающее мышление», свободные действия-поступки.»¹⁴

Превращение субъекта в личность — трудный и не сам по себе протекающий процесс:

«...достижение непосредственности¹⁵ возможно лишь на пути преодоления опосредования. Последнее необходимо для построения внутреннего мира индивида, который презентирован ему, и с которым он может обращаться значительно более свободно, чем с предстоящим

ему миром внешним... Работа со своим внутренним миром предполагает отстройку, — художники и искусствоведы говорят об отрешении, отстранении от внешнего мира. Наш внутренний мир, как и внешний, не дан нам, как целое. Поэтому для работы с ним необходимо сформировать соответствующие функциональные органы. Индивид должен научиться прислушиваться, присматриваться к нему, преодолевать его избыточность, быть способным к избирательному восприятию, к концентрации на нем своего внимания, уметь оперировать и манипулировать им.»¹⁶

Наиболее полное и конкретное воплощение идеи взаимодействия внешней и внутренней форм, которая в общих чертах и с использованием традиционной терминологии обсуждалась В.П. ещё в его ранних работах, было осуществлено им вместе с Натальей Дмитриевной Гордеевой¹⁷ на примере двигательных (исполнительных) действий.

Двигательные действия психологичны не только в том смысле, что они регулируются психическим образом. Они с самого начала являются одним из источников, пожалуй, всех психологических новообразований. По существу, об этом говорил Ж. Пиаже, раскрывая понятие сенсомоторного интеллекта:

«Нам хотелось бы в нескольких словах объяснить, почему мы считаем, что язык согласуется со всем, что усвоено на уровне сенсомоторного интеллекта. Действительно, сенсомоторный интеллект уже содержит некоторую логику — логику действий, когда нет еще ни мышления, ни представления, ни языка. Эти действия скоординированы согласно некоторой логике, уже содержащей множество структур, которые

¹³ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. — М.: Новая школа, 1997. С. 143.

¹⁴ Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. — М.: Языки славянских культур, 2010. С. 545.

¹⁵ Здесь имеется в виду вторичная непосредственность, в отличие от её первичной (натуральной) формы.

¹⁶ Зинченко В.П. Живая память в исследованиях П.И. Зинченко (ретроспект и проспект) // Культурно-историческая психология. 2009. № 3.

¹⁷ Я имею в виду многолетний цикл экспериментальных исследований, в которых принимали участие сотрудники кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ М.С. Белоховская, И.В. Евсевичева, Е.Б. Сироткина, С.Б. Ребрик, А.Н. Кричевец, Л.И. Юматова. (См. Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. — М.: Тривола, 1995).

разовьются позднее самым ярким образом.»¹⁸ (Курсив мой — А.Н.)

И, как показано в работах В.П., сенсомоторный интеллект стоит не только в начале жизненного пути. Движение — это развивающийся функциональный орган, который во взаимодействии с восприятием, мышлением, памятью и аффектом инкорпорирует, по крайней мере, некоторые их черты, становясь умным и выразительным:

«На уровне искусства, мастерства естественные и искусственные органы, движение и предмет, знак, символ смыкаются в единое психофизиологическое и даже психофизическое образование.»¹⁹

«Движения оказываются умными не потому, что ими руководит внешний и высший по отношению к ним интеллект, а сами по себе.»²⁰

Интеллектуальность двигательных действий состоит, во-первых, в том, они чувствительны не только к внешней ситуации, которая, с одной стороны, задана, а с другой — непрерывно меняется как следствие выполняемых в ней движений; они чувствительны также к своей внутренней репрезентации, формирующейся как под влиянием концептуальной модели действия, так и полимодальных путей внутренних обратных связей. Во-вторых, в силу своей одновременной ориентации на конечную цель, внешнюю ситуацию и внутреннюю картину происходящего движение должно обладать свойством своеобразной рефлексии, которая в условиях быстротечной динамики двигательного акта не может быть осознанной; В.П. назвал её фоновой (наверное, по аналогии с бернштейновскими фоновыми уровнями регуляции). В-третьих, движение, как и любое другое предметное действие, непрерывно по своей устремлённости к удерживаемой в сознании конечной цели, но дискретно по характеру

своей пространственно-временной (хронотопной) реализации, которая представляет собой последовательность «волн» (квантов) разной длины и амплитуды. Эти три признака интеллектуальности двигательных актов сохраняются независимо от того, какое место в структуре конкретной деятельности они занимают, — либо это самостоятельные целенаправленные действия, либо это подчинённые им операции (по А.Н. Леонтьеву).

* * *

Казалось бы, что проблемы, обрисовавшиеся в ходе методологического анализа (взаимодействии внешних и внутренних форм действия) и экспериментальных исследований восприятия, памяти, визуального мышления, живого движения, связаны с сугубо академической тематикой, не выходящей за пределы предметной области психологии. На самом деле, как это показано в работах В.П., посвящённых различным аспектам духовности, они тоже являются частью более масштабного целого, образуемого разнообразной деятельностью людей, создающих материальные и духовные ценности. Человек — атомарная единица социума, и в каждой такой единице отражается какая-то часть того особого содержания, которым наполнена жизнь общества. В психологии советского периода *взаимодействие* между индивидом и обществом было редуцировано только к одному направлению — *воздействию* общества на индивида. Обратное направление взаимодействия (Л.С. Выготский обозначил его как *индивидуализация социального опыта*) упоминалось скорее из чисто теоретических соображений и ограничивалось абстрактным принципом активности субъекта при восприятии предметного мира,

¹⁸ Семиотика / Составление, вступительная статья и общая редакция Ю.С. Степанова. — Москва: «Радуга», 1983. С. 133.

¹⁹ *Зинченко В.П.* Предисловие / Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. — М.: Тривола, 1995. С. 11.

²⁰ Там же. С.17.

усвоении учебного материала и социальной адаптации. В своих работах конца 20-го и начала 21-го столетий В.П. остро критиковал такой идеологизаторский подход, который в несколько модифицированном виде сохранился вплоть до наших дней. Это видно на примере различных образовательных проектов, ориентированных на «формирование нового человека», которое предполагается реализовать не только с помощью внедрения новейших научных достижений, но и путём целенаправленного манипулирования сознанием людей. В.П. соглашается с оценкой такого подхода, которую дал часто цитируемый им философ М.К. Мамардашвили²¹. У человека нельзя отнимать свободу выбора своей индивидуальности, не только психофизиологической, но и духовной, конечно, если эта свобода не деморализована, как это характерно для современного западного мировоззрения. Свобода и духовность взаимообусловлены. В.П. полагал, что одной из высших светских форм духовности является искусство (в широком смысле этого слова). Призывая психологию возвратиться к изучению целостного человека по всей вертикали его развития, он показал, насколько современная психология отстала от искусства в деле репрезентации различных качеств человеческой природы. В связи с этим необходимо отметить бесценный вклад В.П. в образование не только российских, но и зарубежных психологов. Он восстановил прерванную связь времен, убедительно показав, что как достижения, так и неудачи отечественной психологии восходят не только к феномену Л.С. Выготского и философии диалектического материализма; за ними — многовековой разрез богатейшей российской и мировой культуры. О. Мандельштам стал известен нам как прирожденный, хотя и не профессиональный, психолог. Актуальная для нашего времени психологиче-

ская тематика была обнаружена в работах М. Бахтина, А. Введенского, В. Вернадского, А. Лосева, Ю. Лотмана, Г Шпета, А. Ухтомского, и многих других, о которых мы раньше кое-что знали как о неудачных, если неугодных, философах, поэтах, литераторах или биологах.

В.П. придерживается, с моей точки зрения, довольно радикального взгляда на отношение психологии к искусству:

«Искусство на столетия опережает науку в познании неживого и особенно живого. Но главное даже не в этом. Искусство порождает иное знание. Наука расчленяет, анатомирует, дробит мир на мелкие осколки, которые не склеиваются, не komponуются в целостную картину. Особенно она преуспела в своей дезинтегративной деятельности, изучая человека. Искусство же сохраняет мир целостным. Оно постоянно напоминает науке о существовании целостного, неосколочного мира.»²²

В.П. сравнивает психологию (как науку) с искусством не только по уровню их достижений в деле познания человека, но и по стилю такого познания:

«Поэты, вырывая события из контекста, подчиняются Музе, ученые — Логике. Когда Муза изменяет поэтам, получают плохие стихи. Когда Логика изменяет ученым, возможны открытия. Наука ведь по своей природе абсурдна. Она имеет право на любую гипотезу. Ей нужны "иррациональные числа", "чистые культуры", "сверхнизкие температуры", "сверхпроводимость", "башни молчания", "абсолютная сенсорная изоляция", "tabula rasa", "слепоглухие обязательно от рождения". Словом, ей нужно все то, что в реальной жизни не встречается или недоказуемо. Уверен, что науке не меньше нужна идеальная правда духа, за которой она не так часто обращается к мифологии, к искусству, в том числе к поэзии...»²³

²¹ См. Зинченко В.П. Возможна ли поэтическая антропология? — М.: Российский открытый университет, 1994. С. 39—40.

²² Зинченко В.П. Психологические основы педагогики: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2002. С. 38.

²³ Зинченко В.П. Возможна ли поэтическая антропология? — М.: Российский открытый университет, 1994. С. 8.

Я бы сказал, что такое *иногда* бывает. Но наука и искусство неоднородны не только по содержанию, но и во времени. Дифференциация и интеграция свойственны и науке, и искусству, в разное время в разной степени, и все это происходит далеко не синхронно. Не все направления в современном искусстве (независимо от его жанров) демонстрируют целостность мира; скорее наоборот, в нем больше мертвых осколков, фрагментов чувственной ткани и вообще того, что можно переживать только в условиях длительной сенсорной изоляции или в изощренных психофизических экспериментах. А если в искусстве игнорируется логика, то оно теряет всякий смысл. Поэтическая антропология может служить для психологии хорошим стимулом и, возможно, примером для подражания. Поэтическая антропология — это продолжение (а не замена) психологии, расширение наших знаний о человеке, находящемся в той реальности, которая превосходит по своим масштабам и содержанию то, что доступно психологу.

* * *

Читая произведения В.П., возникает чувство, которое можно сравнить с переживанием выхода из устья маленькой речушки с заросшими берегами в безбрежный океан. Каждая проблема из узковедомственной превращается в органический элемент многовековой человеческой культуры, да и она сама вырисовывается перед вами не как литература или наука, а как нечто единое и неразделимое, влекущее к себе и обещающее бесконечную и ненасыщаемую радость творчества. Он подарил науке и всем плоды своих трудов, и это навсегда останется в ней и в нас. Поэтому его дары и его душа будут открыты для всех грядущих поколений. Сила его творчества — не только в неординарном содержании, но и во вложенном в него вдохновении, которое легко передается тому, кто, желая постичь тайны душевной жизни, обратится к его трудам.

А.И. Назаров